

Сказки нашего прихода не придуманы. Многие сюжеты взяты из жизни. Некоторые герои узнавали себя. Мало того, в сказках участвует Петрович, который во многом напоминает автора сказок. Все это позволяет считать книгу незавершенной. Жизнь дает все новые и новые сюжеты, которых просто так не придумаешь, и они просятся в книгу.

Сказка может посмеяться над злом и глупостью. А смех — лучшее лекарство против страха и уныния.

Христос Воскрес! Давайте радоваться!

ПРО ДВОРНИКА

Утро было раннее, обычное. Настроение скверное, привычное. Дворник Семеныч мел дорожку у Покровского Храма и ворчал на погоду и природу:

— То снег... то листья... то листья, то снег.. метешь, метешь... то пыль, то бумажки... и вечно с неба что-то сыплется. Сыплется... сыплется...

Махал, махал Семеныч своей метлой и вдруг замер. На асфальте, присыпанном легкой порошей, лежало большое белое перо. Такого огромного, сверкающего пера Семеныч никогда не видел.

«Страусиное», — подумал он и сунул перо себе за пазуху. В груди у Семеныча стало тепло, и сердце забилось радостно. Радость все нарастала, и Семенычу захотелось с кем-нибудь ею поделиться. Так захотелось, что слезы на глаза навернулись.

Счастливым Семеныч пошел в сторожку, достал из холодильника котлету с гречкой и скормил свой завтрак псу Полкану.

Полкан мигом проглотил котлету и уставился на Семеныча с удивлением и надеждой. Но котлет больше не было.

— Полкаша, мой дорогой! Верный мой помощник! — Семеныч обнял и поцеловал пса прямо в морду. Пес прижался к нему в порыве ответной любви.

Потом Семеныч схватил метлу и принялся махать ею с радостным восторгом, разгоняя вправо и влево легкие снежинки.

— Надо успеть! Люди скоро придут! Пусть порадуются чистоте и порядку. Утренняя радость всему дню правильный настрой дает.

— Семеныч, отпирай!

У ворот стоял двенадцатилетний алтарник Сашка со своей матерью, регентшей Надеждой Андреевной.

— Пришли, мои дорогие! Прилетели ранние птички! — Семеныч всплеснул руками и бросился отпирать ворота. Бежал Семеныч как-то странно. Он словно зависал и даже перебирал в воздухе ногами.

— Что с тобой? — спросила Надежда Андреевна. — Заболел, что ли? Или принял с утра?

Семеныч трижды чмокнул ее в увесистые щеки, расцеловал Сашку и объявил с восторженной радостью, что Христос воскрес.

— Воистину воскрес, — ответили регентша и алтарник и пошли к храму. Семеныч семенил перед ними. Он заглядывал им в глаза, словно не мог налюбоваться.

— Что ты сияешь, Семеныч? Влюбился, что ли? — спросила регентша.

— Влюбился! — радостно согласился дворник. — Да как вас можно не любить?! Дорогие вы мои! Золотые! Ненаглядные!

От полноты чувств Семеныч подпрыгнул. Подпрыгнул и завис. Он висел с метлой в руках и улыбался. А с земли ему улыбались Сашка и Надежда Андреевна.

— Дядя Боря, как ты это делаешь? — спросил Сашка и присел на корточки. Ему хотелось снизу посмотреть, как делает свой фокус Семеныч. Почему законы физики на него не действуют?

— От любви он летает, — объяснила Надежда Андреевна. И вдруг залилась румянцем как девушка. Она прижала руки у груди, чтобы унять разволновавшееся сердце. Любовь заразительна. Она передается мгновенно, без всяких вирусов. Очевидно, поэтому настроение у всех, кто видел в это утро дворника Семеныча, становилось радостным. Все обменивались поцелуями и пасхальными приветствиями, хотя до Пасхи было еще два месяца.

— Что ты перья свои теряешь? — спросил, выползая из нужника, бес Мракодил. Спросил, трясаясь от ненависти.

— Не потерял, а посеял, — ответил кротко ангел Покровского храма. — Видишь, уже всходы пошли. Андреевна решила выйти замуж за Семеныча. Семеныч решил бросить пить. Будет у Сашки-алтарника непьющий, любящий отец. Чем плохо?

— Вот это и плохо, что хорошо, — проскрипел гнилыми зубами Валерьян и... провалился. Провалился потому, что алтарник Сашка ударил в колокола.

Покровский ангел с ангелами-хранителями пришедших на службу прихожан бросился в синее небо. И они принялись порхать и кувыркаться, как большие белые бабочки. Ангелы любят танцевать под колокольный звон. Только кто это видит?

А что стало с ангельским пером? — спросите вы. Оно растворилось. Благодатью растеклось по душам людским. И через много-много лет отзвук той благодати трогал порой сердце Бориса Семеныча. В такой момент ему хотелось подпрыгнуть и повисеть в воздухе. Но настоятелю Покровского храма, бывшему дворнику Семенычу, делать этого не полагалось.

МОЛИТВЫ БАБУШКИ ПОЛИ

(В основе этой сказки лежат две реальные истории)

— Разве я крещеный? — удивился Михаил. — Почему ты раньше не говорила, мама?

— Почему? Не знаю. Тебя бабушка Поля покрестила. Она хитрая была. Посадила тебя в колясочку, сказала — в парк, погулять. Погуляла и привезла с крестиком. Что хочешь с ней, старой, то и делай.

— А где этот крестик? Выбросили?

— Зачем? В комодке где-то. Среди пуговиц и безделушек всяких. Тебе найти?

— Не надо. А почему бабушка Поля крестила меня тайком?

— Я бы не разрешила. Времена какие были? Я тогда в коммунизм верила. Бога терпеть не могла. Мы с ним семьдесят лет боролись. Боролись, боролись, а что толку?

Бабушку Полю, мать отца, Михаил совсем не помнил. Да и Бога вспоминал нечасто. Но вспомнить пришлось.

Разговор с матерью был в сентябре, а в конце ноября Михаил чуть не погиб. В гололед крутануло его машину, вынесло за бордюр, и она зависла. Передние колеса над обрывом крутятся. Чуть шевельнешься — машина носом кивает. Согласна, дескать, лететь вниз, все пятнадцать метров.

В кабине с Михаилом был чужой ребенок. Сын приятеля. Можно попробовать выпрыгнуть, а... с мальчишкой что делать?

Вот тогда Михаил и вспомнил о Боге. Попросил помощи. Сразу успокоился. Медленно, прижимая мальчишку к сидению, открыл дверь с его стороны, потом со своей. Выталкивая пацана в одну сторону, сам вывалился в другую.

— Знаете, — рассказывал он потом приятелям в гараже, — пока мы не вылезли, машину кто-то за багажник держал, а потом отпустил.

— Кто держал?

— Бог держал. Кто же еще?

— Просто тебе повезло. Наливай! Выпьем за удачу. Вот был у нас случай...

Михаил выпивал, слушал, но думал про свое:

«Может, и повезло. Только я отчетливо помню, как все переменялось, когда я помощи у Бога попросил. Время остановилось. И словно не я все делал. Словно Бог своей рукой вынес нас из падающей машины».

— Может, сходить в храм, свечку поставить? — спросил он у приятелей.

— Хочется — сходи. Ты же напротив храма живешь. Ну что, выпьем?

На другой день Михаил впервые зашел в Покровский храм. Было сумрачно, пусто и гулко. Непривычно как-то.

Он купил самую большую свечу и задумался:

«Куда поставить? Как не ошибиться? Икон и подсвечников много».

Михаил направился в сторону уборщицы.

— Скажи, бабушка, куда свечку поставить?

— Не видишь? Уборка! Вам, свечконосам, на чужой труд наплевать! Небось, дома по мокрому полу не ходите и грязь по углам не разносите! Все тычете и тычете своими свечами целый день, и нет от вас, свечконосов, покоя!

Говорила уборщица со злобой и при этом возила шваброй по ботинкам и брюкам Михаила. В его душе поднялась ответная волна ненависти, и так захотелось сказать пару слов этой старухе, чтобы сразу поняла свое место и кто она такая. Он уже и рот открыл... но, взглянув на иконы, сдержался. Сунул свечку в карман и вышел из темного храма на солнечный свет.

«Так тебе, дураку, и надо, — сказал он себе, — понесло ни с того ни с сего поклоны бить. Да провалитесь вы все! У меня Бог в душе!»

«Молодец, — похвалил его довольный бес Мракодил, — у тебя Бог в душе. А в голове у тебя колокольня. Ловко тебя Верка-уборщица шваброй на правильный путь двинула. Православные все такие. Ты, Мишуль, больше в храм ни ногой. У тебя в душе храм получше этого. Дуй отсюда!»

— Больше ни ногой! — повторил Михаил и зашагал к своему дому.

Открыл дверь и прислушался. Непривычно тихо. Молчит главный друг семьи телевизор. Вошел в комнату и увидел мать, печально сидящую за столом.

— Случилось что-нибудь?

— Да вроде нет. Вот, Миша, твой крестик, а вот фотография бабушки Поли, и ты маленький у нее на руках. Знаешь, Миша, привиделась она мне сейчас.

— Приснилась, что ли?

— Вроде того. Прилегла я на диван. Вдруг входит она. Подошла к комоду, достала крестик, посмотрела на меня строго, то ли с укором, то ли с печалью какой-то. Надо будет завтра на кладбище съездить и свечку за упокой поставить, что ли?

— Надо съездить. Знаешь, мне месяц назад похожий сон приснился. Бывает такое?

— Значит, бывает, — вздохнула мать, — но самое странное: бабушка Поля ушла, а крестик остался лежать на столе. Он и сейчас лежит, где она его положила. Может, наденешь его?

Михаил удивленно взглянул на мать. Потом взял в руки пожелтевшую веревочку и попробовал примерить. Попробовал и засмеялся.

— Вот такая у тебя, Мишенька, головка была, — улыбнулась мать. — Давай новую веревочку привяжу.

Михаил смотрел, как материнские руки затягивают узелки на новом шелковом шнурке. Смотрел и чувствовал, что происходит что-то важное...

Вера Ивановна, уборщица Покровского храма, была в смятении. Ушел мужик в черной кожаной куртке, и испарилось ее раздражение.

— И чего я на него набросилась? Словно кто-то в спину толкнул. Может, у него горе какое? А я на него со шваброй! И не первый раз со мной такое. Искушение. Не иначе как искушение. Надо отцу Борису исповедоваться.

Ночью она долго ворочалась в постели, повторяя:

— Искушение. Ох, искушение!

— Да. Искушение и гордыня твоя, Вера, тоже.

Вера Ивановна открыла глаза и увидела ангела Покровского храма. Он был точно такой, каким его нарисовал художник на стене притвора. Рядом с ангелом стояла маленькая старушка, одетая в старомодное платье.

— Вера, — сказал ангел, — Полина сорок лет молилась за внука, просила Бога привести его к вере. А ты вчера его прогнала. Как собираешься жить после этого?

Вера Ивановна заплакала.

— Натворила бед — сама исправляй, — сурово заключил ангел.

— Михаил рядом с храмом живет. На работу идет к шести. Найдешь, — сказала старушка.

Проснулась Вера Ивановна около пяти. Словно кто-то за плечо потряс. Взглянула на часы. Перекрестилась на иконы, оделась и пошла к храму. Походила вдоль ограды минут десять и увидела вчерашнего мужчину в черной куртке. Она бросилась к нему, как к родному.

— Простите меня! Меня ваша бабушка Поля к вам прислала! Простите меня за грубость и глупость. Вас ангел в храм зовет.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

«Привет, сироты!» — нищий Вася подвинул плечом нищую Клавдию и уселся на свое «рабочее» место у ворот Покровского храма. Только непосвященному человеку все места кажутся одинаковыми. На самом деле есть выгодные, а есть безнадежные. С безнадежного, сколько руку ни тяни, ничего, кроме мелочи, не подадут. Чтобы все было по справедливости, Вася даже предлагал установить очередь на выгодные места. Но разве с этой публикой договоришься! Всех жаба давит, у всех трубы горят...

«С Рождеством вас! Желаю счастья!» — протянув руку для подаяния, пронес Вася... И потек ручеек денег в его руку, а из руки в карман. Праздничный народ — щедрый...

Рождественская ночь выдалась морозной, небо ясное. Карман Васин наполнился. Только вот душа его плакала от пустоты...

«Что за профессию ты себе нашел, — ныла душа, — что за компанию? Была у тебя, Вася, семья, были дети, была жена Люда — экономист. Было образование высшее и профессия серьезная. И где же это все, Вася? Утонуло в залапанном граненом стакане. Растворилась в нем, Вася, твоя жизнь без остатка».

«Пойду, возьму пузырь», — подумал Вася.

«Иди в Храм, помолись», — подсказала душа.

«Что толку, погиб ведь давно».

«Хоть погрейся...»

И Вася пошел. В Храме было светло, пахло хвоей и ладаном. И запах, и пение Васиной душе понравились, а ему так хотелось поскорее пойти в магазин за пузырем.

«Что ты тут нашла? Все равно ничего в этом пении не понимаешь», — подумал Вася, перебирая рубли и бумажки в своем кармане.

«Понимаю я. Все понимаю», — ответила душа.

И почему-то вдруг Вася заплакал и начал понемногу молиться. «Господи, до чего я себя довел! Видишь, во что я одет. Грязный изнутри и снаружи. Изнутри даже грязнее. Неужто Ты меня такого примешь и простишь? Неужто такого утешишь? Ни на что я не годен, Господи... Помоги мне!»

Молился Вася, а слезы текли и текли по грязным щекам. Он понял, что непостижимым образом молитва его была услышана. Легко стало и спокойно.

«Вот и хорошо. Вот и славно», — подумал Вася и пошел в магазин. Взял, как обычно, пузырь и зачем-то еще купил апельсин для нищей Клавдии. Так душа ему подсказала.

Пузырь открыли, налили водку в грязный стакан. Первым должен был пить Вася. Его бутылка. Порядок такой. «С праздником, сироты», — сказал он, оглядев подрагивающих от холода коллег, и поднес водку к губам. Но вдруг неведомая сила отбросила его голову от стакана. Вася пребольно стукнулся затылком о церковную ограду. Он сделал вторую попытку. Но какая-то сила вновь толкнула его. Так, что он ударился о чугунные ворота. Даже гул пошел.

— Не пьется что-то сегодня, — сказал Вася и отдал стакан. Достал сигарету, чиркнул спичкой. И вдруг, против своей воли, поднес пламя к собственному носу.

— Ох, ты... — Вася хотел чертыхнуться, но у него не получилось, — что такое со мной?! Не пьется, не курится, не матерится. Как жить теперь?! А, сироты?

Коллеги-нищие с сочувствием смотрели на Васю. Они быстро выпили бутылку за его здоровье. А Вася решил прервать на сегодня «трудовую вахту». Отдал свою выручку нищей Клавдии, попросил ее за него помолиться и ушел...

Появился он года через два. Подрулил к храму на серой «Тойоте». Щедрой рукой выдал бывшим коллегам по недельному заработку. Только вот многих старых знакомых почему-то не было.

— А где Леша хромой? — спросил он у бабушки Филимоновны.

— Умер Леша в прошлом годе. Мы ему говорили — не пей. Гадость это. А он говорит: проверим. Ну и проверил. Скорчился, почернел весь и окочурился.

— А Клавдия где?

— Так тоже умерла. В ту ночь, что ты от нас ушел. Так напилась с твоих денег, что осталась сидеть у ворот. Утром ее нашли с протянутой рукой. Как есть статуя. И денежек ей накидали, — Филимоновна всхлипнула, жалея то ли Клавдию, то ли Лешу, то ли себя...

Вася сильно расстроился.

«Клавдия на себя мою смерть приняла. Это я должен был остаться в ту ночь с протянутой рукой...» — подумал он. Смахнул слезу и пошел в храм, помолиться за упокой души рабы божьей Клавдии.

ПРО ЛЮБОВЬ

«Посмотри на нее. Это твоя судьба», — сказал вдруг какой-то голос Ивану. Он удивленно взглянул на стоящую рядом девушку — Настю. Но та в ответ лишь зло посмотрела на него. Иван ей никогда не нравился. Уже три года они вместе пели на клиросе в Покровском храме. Три года он одним своим видом выводил девушку из себя. Рыжий, конопатый, розовый как поросенок. Бр-р-р! Настя понимала, что нравится Ивану, и это ее бесило. «Надоело, все время натыкаешься на его голубые глаза», — жаловалась она подругам.

А Иван никогда не приставал к ней с разговорами и ухаживаниями. Он просто за нее молился, чтобы уберечь от всякого зла и беды. Чувствовал, наверное, что беда ходила вокруг Насти...

Однажды душным июньским днем Настя с родителями ехала на дачу — хотели собрать жимолость. Отец крутил баранку и спорил с матерью о дожде.

— Смотри, как парит. Как ласточки низко летают, — сказал он, обернувшись к матери, сидящей на заднем сидении, — вечером обязательно...

Но о том, что будет вечером, ни мать, копавшаяся в сумке, ни отец, отвернувшийся от дороги, никогда бы не узнали. Выскочивший из-за поворота тяжелый грузовик с прицепом мчался прямо в лоб их легковушке...

Настя зажмурилась, ожидая удара. Но его не последовало. Через мгновение машину резко дернуло, а Настя услышала раздраженный голос отца:

— Представляешь, мать, у меня руль сам собой крутанулся. Так и до беды недалеко.

«Они ничего не заметили», — поняла Настя и, обернувшись, увидела, как уносится по дороге злосчастный грузовик. Секунда-другая и он превратился в черную точку. «Мы словно сквозь него проскочили», — ужаснулась Настя и перекрестилась...

А недели через две Настин курс работал на стройке нового общежития. Убирали строительный мусор. Рыжий Иван собирал битый кирпич. Настя и девочки махали вениками.

— Опять он мелькает, рыжий канделябр, — пожаловалась Настя подружке. — Из него неплохой дорожный знак бы получился... далеко видно.

Она хотела сказать еще что-то ехидное, но замерла, услышав: «Настя, шагни в сторону!» Узнав этот голос, она не двинулась с места. Только посмотрела на Ивана. А он был в другом конце двора и совсем не обращал на нее внимания!

И вдруг кто-то толкнул ее. Настя отлетела в сторону, а в то место, где она стояла, воткнулся железный лом. Настя глянула вверх — на четвертом этаже мелькнула чья-то голова, похожая на собачью, и тут же исчезла...

— Собаки ломами кидаются, — взвизгнула одна из подружек, а Настя села прямо на землю и заплакала: «Это все рыжий колдует. Втюрился в меня и хочет запугать. Хочет довести, чтоб я сама бросилась ему на шею! Не дождется!»

Вокруг Насти собрались студенты. Девчонки принесли воды, заставили выпить, чтобы унять истерику. Парни сбегали на четвертый этаж, но никого не нашли. Потом принялись раскачивать лом, чтобы выдернуть его из земли. Только Иван ничего не делал. Он стоял и смотрел на плачущую Настю.

— Что, доволен? Уйди ты отсюда ради Бога! Уйди! — всхлипывала Настя.

— Я все равно за тебя молиться буду, — ответил Иван. Развернулся и пошел не оборачиваясь...

Прошло пять лет. Настя из хрупкой девчонки превратилась в цветущую женщину. У нее двое славных детей. Мальчик и девочка. Иван много работает. Очень устает. Надо кормить семью. Но как бы ни устал за день, не забывает молиться о своей любимой жене Настеньке и двух рыжих карапузах, которые его очень любят. Да и как можно не любить того, кто за тебя молится?

ЖИЛ-БЫЛ

Жил в нашем городе недалеко от Покровского храма не старый еще старичок Владлен Вадимович. Он совсем недавно перешагнул за шестой десяток и был полон сил и энергии. Правда, силы он тратил бестолково.

Дело в том, что в розовощекой его, лысоватой голове жили идеи. Они крутились, сталкивались и исчезали, а Владлен Вадимович их громко озвучивал. Только за своими идеями он не поспевал. Вот в чем беда.

То возьмется мебель переставлять, то обои срывать, то кошку дрессировать, то вдруг объявит всем, что открыл новую диету для продления жизни и собирается писать об этом книгу.

Знакомые слушали его вполуха и посмеивались потихоньку. Они знали, что через недельку-другую насильно поумневшая кошка будет забыта, ремонт остановится, а диета ограничится тем, что случайно окажется вечером в холодильнике.

Владлен Вадимович был одинок и как-то не укоренен в жизни. Дети его давно выросли и разъехались. Две женщины, когда-то бывшие его женами, давно забыли номер его телефона. Близких друзей не было. Даже знакомые старались держаться на расстоянии, устав от напора его идей. Уж больно сильно Владлен Вадимович от идей возбуждался и мог развивать их часами. При этом никаких возражений не терпел, а чужих идей просто не замечал. Он был одиноким солистом по жизни. Без хора и благодарных слушателей.

Сидел однажды Владлен Вадимович на своей маленькой кухне. Пил чай, поглядывал в окно на синие с золотыми звездами купола Покровского храма. Летнее вечернее солнце красило их и все вокруг в малиновый цвет.

Ласточки летали высоко в ясном небе. Тишь, покой и благодать. Вдруг по праздничному весело зазвонили колокола.

Сердце Владлена Вадимовича дрогнуло и слегка кольнуло. В голову пришла идея — в храм сходить.

— А что? В трех шагах живу и ни разу не был! Надо сходить и посмотреть на великолепие. Ведь если снаружи так красиво, внутри должно быть не хуже! Пойду Богу свечку поставлю. Обращусь, так сказать, к корням.

Идея созрела, и ее нужно было немедленно озвучить, развить.

— Нюрка, — сказал Владлен Вадимыч дремавшей кошке, — я в храм иду. Русский человек должен знать свои корни. А корни наши в православии. Государственнообразующая и культуuroобразующая, так сказать, религия. Как тебе моя идея?

Кошка лежала у плиты в неприличной позе лапами вверх. Она приоткрыла глаз, с сомнением глянула на хозяина.

— Без корней человек — перекасти-поле. Дунул ветер истории, и нет его. А с корнями он ого-го! Он сам история! — продолжал философствовать Владлен Вадимыч. Ему очень захотелось немедленно пойти к соседям и рассказать свою идею. Но солнце уже село и купола погасли.

— Поздно уже. Люди с дачи приехали. Отдыхают уже, наверное. А вот завтра, прямо с утра пораньше, пойду и расскажу, как важно вернуться в лоно, обратиться к корням! Тысячелетняя история — это не пустяк! Это же национальный характер! Душа народа! Да и о своей душе пора вспомнить. Надо бросать суету. Почему всю жизнь кручусь, а в результате — пшик? Почему жизнь наперекосяк? Почему сижу один в комнате с полуоборванными обоями и не с кем слова молвить? Почему никто во всем мире не обрадуется моему телефонному звонку? Да потому, что жил и живу без царя в голове! Сам себе царь. Вот и процарствовал свою жизнь. Дети выросли как-то незаметно. Сами по себе. Вера и Лиза ушли. Не выдержали моего трепана бесконечного. И на работе на пенсию проводили как-то весело, с облегчением. Жизнь прошла в каком-то угаре. Вздорный я, пьяный сам от себя человек! Пора трезветь, пора в разум приходить. Надо с Богом примириться. Надо заново жить начинать. Прости, Господи, меня за бестолковую жизнь! Завтра первым делом в храм! Как проснусь — так сразу. Или сначала к соседям сходить? Очень идеей поделиться хочется. Растолковать им про идею свою, про корни и все такое... Но все это завтра. И храм, и соседи. Спать пора. Полночь уже.

Владлен Вадимович допил холодный чай. Глянул еще раз в окно и неожиданно для себя перекрестился на кресты Покровского храма. Первый раз в жизни. Потом он прошел в комнату, не зажигая свет, разделся, лег и укрылся простыней. Едва голова его коснулась подушки, он полетел. Летел он как-то странно, бестолково кувыркаясь. То задом летел, то боком, то передом. Но летел он вверх — все выше и выше.

Давно скрылся внизу его дом, его улица, и город превратился в небольшое световое пятно на берегу реки. Где-то там, далеко-далеко, осталась его неотремонтированная квартира, старый диван и его тело, укрытое до подбородка цветастой простыней.

Дело в том, что Владлен Вадимович умер. Скоропостижная смерть его не была случайной. Бог не позволил угаснуть хорошей идее. Он забрал душу Владлена Вадимовича в лучшую минуту его жизни, пока тот не успел заболтать ее и потерять себя окончательно.

ПРО БАБУШКУ

Машенька нарисовала круг. В круге два глаза и носик. Потом пририсовала кучеряшки, туловище, ручки и ножки. К плечам добавила два больших крыла и побежала показывать бабушке.

— Бабушка, нравится?

— Нравится. Это Чебурашка на дельтаплане летит?

— Это мой ангел.

— Твой ангел? Разве ангелы бывают?

— Конечно, бывают. Я своего часто вижу.

— А почему твой ангел безо рта? Он что — инвалид?

— Рот у него есть. Но мой ангел молчаливый. Он ничего не говорит. Только смотрит, как я живу.

— Господи, до чего ребенка довели! Ей уже по углам ангелы мерещатся! Так и до больницы недалеко. Ребенок детства не видит! То в церковь ее тащат ни свет ни заря, то в воскресную школу, то на молитву ставят поклоны бить, когда у ребенка глазки закрываются. Сами с ума сошли и ребенка с рельсов спихнули! Фанатики!

— Бабушка, а почему мама с папой — фантики?

— Не фантики, а фанатики. Фантики у конфет. А фанатики в Бога вдарились, да так, что ум потеряли.

— Бабушка, мы фанатики, а ты кто?

— Я атеистка. И прадедушка твой Коля, мой папа, был коммунист и атеист! Он сам лично, своими руками, с Покровского храма кресты посшибал, когда коммунисты с Богом боролись.

— И победили?

— Почти победили. Кабы не такие, как твои мать с отцом...

— А зачем боролись, бабушка?

— Чтобы попы головы людям не дурили, как тебе, моя маленькая. Чтобы не мешали коммунизм строить. Твой прадедушка был несгибаемый человек. Когда у него правая рука отсохла, он поступил в техникум, научился писать левой рукой и выучился на бухгалтера.

— А за что Бог прадедушке руку отсушил?

— Никто не отсушивал. Сама поболела, поболела и высохла. Потом прадедушка стал главным экономистом в заготконторе, которая размещалась в вашем Покровском храме.

— А что он в храме заготовлял?

— Я, Машенька, не знаю. Заготовляли что-то, а прадедушка это считал. Он, папа мой, рано умер, я еще маленькая была. Знаю только, что ходил он в Покровский храм на работу. И ни разу там Бога не видел. И ангелов не видел. Потому что нет их ни на облаках, ни в храме. Все это сказки для темных, необразованных людей. Бога нет. Везде одна материя.

— Бабушка, почему одна материя? Разве все тряпичное? Ведь есть и железное, и каменное. Я, например, кожаная.

— Это другая материя, Машенька. Расстроила ты меня. Ангелов она видит! Это же галлюцинация! Ты и сейчас его видишь?

Маша оглянулась:

— Вижу. Здесь мой ангел. Он грозит мечом вон тому маленькому, лохматому в углу. А серый-лохматый мне рожи строит, а ангел меня защищает, а серый рычит и плюется.

— Ну, все! Дожились! — запрочитала бабушка. — Ангелы по квартире ша-стают! Мечами машут! Бедному атеисту в собственном доме шагу ступить невозможно!

Бес Атеист, сидящий в углу, с умилением слушал бабушкины причитания:

— Правильно говоришь, бабуля! Пернатые третируют! Мечами тычут! Совсем затеряли, работать невозможно!

Ангел взмахнул огненным мечом, и бес, взвизгнув, провалился на первый этаж многоэтажного дома. Там был большой супермаркет. Атеист юркнул в винный отдел и спрятался в большой трехлитровой бутылке водки.

— Поработаю зеленым чертиком, — сказал Атеист и растворился до времени в сорокапроцентном растворе спирта.

ГОСТЬ

*Посвящаю о. Никонору (Лепешеву)
и о. Олегу (Хуторскому)*

Зимний вечер угасал стремительно. За окнами шел крупный снег, украшая землю перед Рождеством.

В наступающих сумерках картины тоже гасли одна за другой. Впрочем, не все. Написанные в холодном колорите становились почти белыми и начинали светиться.

Петровичу было не до вечерних чудес в его мастерской. Он сидел перед небольшим, незаконченным холстом и понимал, что надо решиться. Сейчас или никогда!

Конечно, можно было бы зажечь свет. Успокоиться. Попить чайку. А потом не торопясь, — может, завтра или послезавтра, — закончить картину.

Конечно, можно, но нельзя. Уйдет состояние, исчезнет импульс, напряжение. А в расслабке разве можно сделать последний, решающий мазок?

Петрович перекрестился, сказал: «Господи, помоги!». Потом взял кисть, смешал черную и коричневую краску. Замер, всматриваясь в образ на холсте, а потом провел две извилистые, ломаные линии над глазами персонажа и чуть прикоснулся к векам.

Получив брови, Иуда мгновенно ожил. В алчных глазах зародился страх. Он продолжал с восторгом пересчитывать денежки, но ужас, как эхо из будущего, уже поселился в нем.

Петрович отложил ненужную кисть. Он смотрел, как предатель в укромном уголке пересчитывает серебряники, еще не зная вполне, что он натворил. Вот они! Ровно тридцать! А может, он продешевил? Нет. Хватит. Хватит, три с половиной года в толпе учеников ходит он за Учителем! Мокнет и мерзнет зимой, жарится летом на пыльных дорогах. Ночует по чужим углам, а то и в чистом поле или под лодкой, как бродяга. И вечно лезут эти слепые, хромые, горбатые и прокаженные! Тянут грязные руки к его денежному ящику, и надо всем давать, давать, давать!

Хватит! Пора о себе подумать. Куплю виноградник на южном склоне горы, совсем недалеко от дома. И надо поторопиться, а то кто-нибудь перехватит! Потом отремонтирую дом, сделаю пристройки, куплю скот, найму работников... Вот так! Тридцать и шестьдесят шесть. Должно хватить и на свадьбу. Ведь вместе это девяносто шесть серебряников! Почти сто!

На эти деньги можно стать счастливым. Ведь что такое счастье? Покой. Довольство. Обыкновенное земное благополучие. А чудеса? Чудеса, конечно, чудесно. Все наладится, и чудеса будут! Можно будет, если сильно попросят, и исцелить какого-нибудь соседа. Но только тихо! Без этого шума, гама и толкотни. И, конечно, за приличное вознаграждение. Ведь трудящийся достоин оплаты за труды. Это Учитель не отрицал. Как я устал от его мудрости!

Петрович не только слышал мысли Иуды. Он видел, как менялось его лицо. Как по нему пробегали тени и судороги. А сам Иуда не ощущал присутствия Петровича. И не ощущал, как зародившийся в его сердце ужас зреет и расширяется. Расширяется, чтобы накрыть его с головой, такой болью и тьмой, что веревка на шее и вывалившиеся в пыльную траву кишки покажутся спасением.

Но это будет через два с половиной дня. Еще не знает бывший апостол, что денежки, что так греют ему руки при свете луны, пойдут на покупку пустыря, который станет кладбищем. Там его и зароят через три дня. Зароят торопливо, без слез и причитаний. А потом рядом будут укладывать тех, кто умер вдали от родного дома. А шестьдесят шесть наворованных монет, так хорошо спрятанных у корней старой оливы, вообще не найдут. Олива засохнет. Рассыплется в прах, и пустыня залижет это место своим горячим языком.

В дверь постучали. Петрович с трудом оторвался от картины. Встал. Включил свет. И открыл дверь.

— Привет, — сказал сосед, — можно?

— Заходи. Привет.

Сосед-художник вошел в мастерскую. Взглянул на холст и замер. Он смотрел на Иуду и молчал. Петрович тоже смотрел на портрет предателя и вдруг понял, что это — автопортрет. Та же лысина. Те же раскосые глаза, и нос, и подбородок — все напоминало его черты. Как это получилось? Просочилось помимо воли. Само собой как-то...

— Ты давно это написал? — спросил сосед.

— Да вот с полчаса назад закончил.

— Ты что, его выставлять собираешься?

— Не знаю. Будет повод, выставлю.

— Ну да, на краевой, юбилейной выставке его не покажешь, да и на Рождественский вернисаж он не пойдет. Я бы на твоём месте убрал его куда подальше. Возьми прямо сейчас и спрячь. Отверни хотя бы. Мне поговорить с тобой надо.

— А он что, мешает? — удивился Петрович.

— Да знаешь, как-то да. Убери. Отверни. Что, трудно тебе?

Петрович пожал плечами и развернул холст чистой стороной.

С тех пор так и повелось. Петрович показывал холст гостям. Он считал его большой удачей. Но все, глянув, тут же принимались просить: «Убери, пожалуйста. Вот этого нам не надо. Отверни».

И Петрович отворачивал. Показывал и отворачивал. А когда никого не было, он подолгу сидел перед картиной. В нем шла какая-то работа. Он словно отделял себя от созданного им же самим образа.

— Батюшка, написал я портрет Иуды. Кому ни покажу, все от него отворачиваются. Все требуют, чтобы убрал. В чем дело?

Отец Борис посмотрел на задавшего вопрос художника. Потом помолчал несколько секунд, словно к чему-то прислушиваясь, и сказал:

— Мне думается, он их обличает.

— Обличает... Может, вы, батюшка, и правы. Очень интересно. Спасибо. Надо будет подумать.

Придя в понедельник в мастерскую, Петрович первым делом пригласил к себе соседа.

— Помнишь моего «Иуду»?

— Помню.

— Он тебе не нравится?

— А кому, скажи на милость, Иуда может понравиться. Что, мне любоваться на него?

— А знаешь, что сказал настоятель нашего храма? Я спросил: почему все отказываются смотреть на эту картину?

— Ну и что он ответил?

— Она, говорит, обличает. Мол, в каждом человеке сидит такой же. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил сосед, — может, она и обличает. Но ты мне другое скажи. Зачем ты своему Иуде сходство со мной придал? Зачем глаза, и рот, и нос, и, главное, уши! Уши мои пририсовал. И всем своего предателя показываешь! Издеваться нравится, да?

Петрович хотел объясниться. Сказать, что все это не так. Но соседа уже не было. Только слышно было, как хлопнул он своей дверью.

— Ну, точно. Обличает, — вздохнул Петрович. А потом взял и повесил картину на самое видное место.

И тут же радость хлынула в сердце Петровича. Такой яркой, теплой радости он в жизни не испытывал. Ему даже показалось, что это была двойная радость. Его и отцовская. Петрович знал, что отец дал ему знак. Знак-уверение в том, что смерти нет. Что встреча за пределами жизни с теми, кого любишь, обязательно будет.